

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1981 году
вышли и выходят следующие книги:

Воскресенская З. В этот памятный майский день.

*Рассказ об участии В. И. Ленина в первомайском
субботнике в 1920 г.*

Астафьев В. Дядя Кузя — куриный начальник.

Весёлая повесть о птицеферме

Драгунский В. Он живой и светится...

Весёлые рассказы о мальчике Дениске

Сотник Ю. На тебя вся надежда...

Весёлый рассказ о приключениях мальчика

Яковлев Ю. Баваклава.

Рассказ о бабушке и её внуке.

Для среднего школьного возраста

Василий Ефимович Субботин

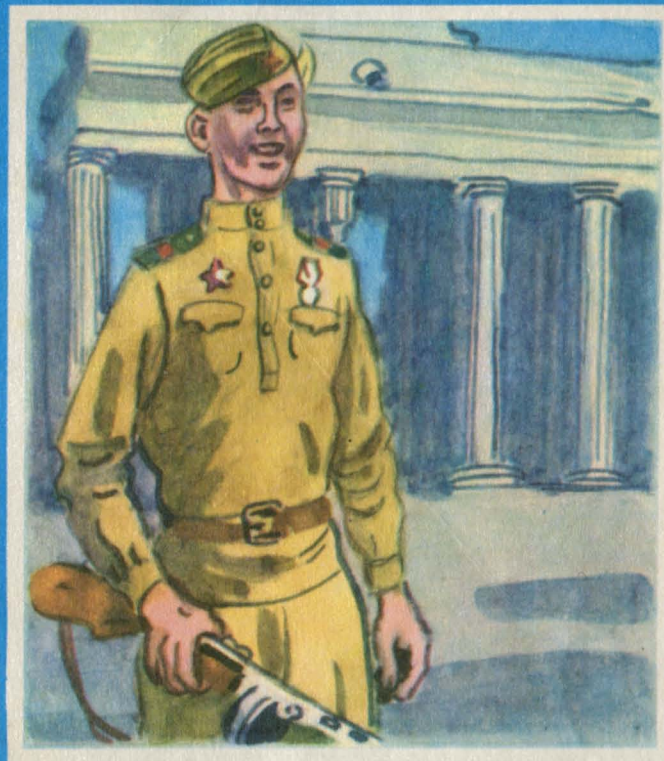
И НАСТАЛ МИР

Рассказы

ИБ № 5000

Ответственный редактор С. В. Орлеанская. Художественный редактор Н. И. Комарова. Технические редакторы Л. Н. Никитина и Г. Г. Рыжкова. Корректоры Ю. В. Дубовицкая и Е. А. Суксяян. Сдано в набор 24.10.80. Подписано к печати 22.05.81. А07028. Формат 60×90^{1/16}. Вум. тип. № 2. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-отт. 3,26. Уч.-над. л. 2,01. Тираж 750 000 экз. Заказ № 2488. Цена 10 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суэвский вал, 49.

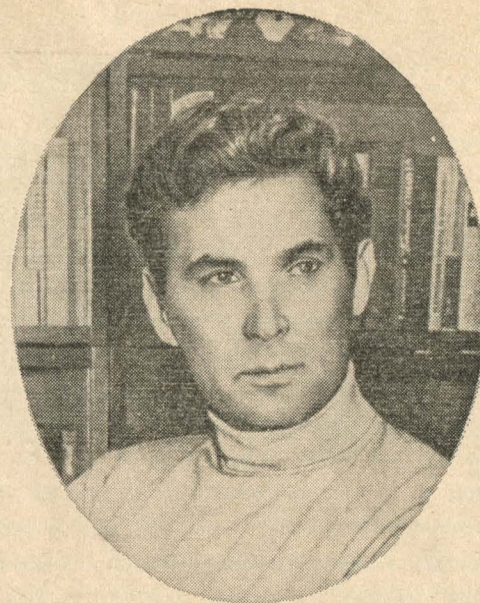
КНИГА ЗА КНИГОЙ

Василий Субботин

И НАСТАЛ
МИР

Издательство
«Детская литература»

ВАСИЛИИ СУББОТИН

И НАСТАЛ МИР

Рассказы

Москва

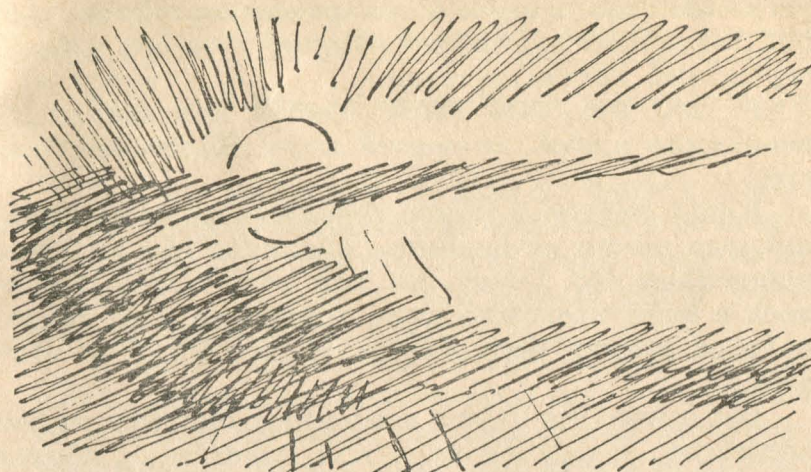
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1981

«И настал мир» — сокращённое и специально для детского читателя подготовленное издание известной книги Василия Субботина «Как кончаются войны», которая многократно издавалась как у нас в стране, так и за рубежом.

В годы войны писатель Василий Субботин был танкистом, башенным стрелком, а затем журналистом, корреспондентом дивизионной газеты 150-й стрелковой Идрицко-Берлинской дивизии, принимавшей участие в штурме Берлина. В своей книге автор вспоминает некоторые эпизоды битвы за Берлин и рейхстаг, рассказывает о незабываемой весне сорок пятого года.

Рисунки В. ЛАДЯГИНА

ПРОРЫВ

Войска идут по дорогам, подняв головы вверх. Все идут, и все смотрят на солнце. Что же это стало с ним?

В небе высоко стоит солнце. С утра уже оно так сильно раскалено, но откуда взялся, как появился вокруг него этот огромный радужный круг. А само солнце — чёрное. Оно оранжевое, дымное, почти совсем чёрное. Солнце под чёрной заслонкой.

И должно быть, оттого, что его наглухо прикрыли этой чёрной заслонкой, лучи из-под неё скользят куда-то вбок, свет пробивается как бы из-под низу.

По всем дорогам, полям и тропам — никто не смотрел под ноги — шли и шли войска... С автоматом у бедра или с карабином у плеча, но каждый

устремив глаза в небо. А это оранжевое и будто чёрной заслонкой прикрытое солнце, хотя оно и было огромным, почти не светило.

И что это там ещё? Какой колоссальный, невиданно яркий, сияющий круг! Будто обод какой...

Какое редкое и какое странное, должно быть, никогда никем не виданное зрелище. Мы уже час наблюдаем его. Сразу же, как только оно появилось в небе, выплыло из-за горизонта, оно почернело, и вокруг него возник и этот нимб, и этот свет.

Вот отчего все идут и все на него смотрят, на это лохматое, задымлённое — как через закопчённое стекло! — невероятное чёрное солнце.

Идут, не глядя под ноги и то и дело сбиваясь с ноги.

Знаете вы, что значит подняться в атаку первым? Знаете? Сейчас я попытаюсь вам объяснить это. Бывали вы на большой высоте? Смотрели, перегнувшись, с большой высоты, откуда-нибудь с крыши или окна десятиэтажного дома? Приходилось, доводилось ли вам прыгать с парашютом? Ну хотя бы с вышки для прыжков?

Чем-то это напоминает...

Помню, как я первый раз влез на парашютную вышку, — сейчас уже это не в обычае, а в те годы, перед войной, каждый должен был хоть раз, да попытаться прыгнуть. Я вылез наверх, вышел вперёд по доске, парашют болтался где-то внизу — на мне только лямки. Я знал, что ничего со мной не случится, парашют удержит. Но когда я вылез наверх, сразу у меня согнулись колени, сразу стеснило и захватило дыхание, и, всасывая воздух ртом, я тянул что-то вроде «и-и-и». Так у меня подбало, подтянуло живот.

Вот то же и в атаке, когда надо вылезти из траншеи наверх, выскочить под пулемёт, под ветер атаки...

Так же, как с парашютом, только немного страшнее...

Так что же было в тот день на Одере с солнцем?

После той страшной, проведённой в ночь артиллерийской подготовки столько земли, столько пыли поднялось к облакам, что солнце стало чёрным. Дыму. Пыли. Гари. Всего.

И вот когда мы пошли вперёд, встали с плацдармов на Одере и двинулись к Берлину, это клубящееся в тучах, багровое, пылающее над нами чёрное космическое солнце долго ещё не могло пробиться сквозь всю эту завесу, и виден был только его радужный нимб.

Поднявшаяся пыль висела над нами в небесах всё время, пока мы шли к Берлину, но особенно густой она была в первый день. Я думаю, что, если бы в это время пошёл дождь, он лил бы, наверно, вместе с землёй и пеплом, как при извержении вулкана...

Мне странно теперь смотреть на себя, того, двадцатилетнего, в тот окоп, в котором я сидел на Одере.

Я проснулся в доме недалеко от переднего края, проснулся потому, что кто-то дёргал раму. Вокруг гремело, дом ходил ходуном. Мигом я собрался, перекинул через плечо старую сумку свою, тронул за плечо человека, спящего на кровати, и сказал ему, что я пошёл.

Даже и дорогу искать мне не надо было, я шёл на звук этой пальбы. И когда я по шатким, расходящимся под ногой, погружённым в воду мосткам переходил Одер, над Одером вставало солнце.

Я был рад, что наконец началось, начинается! Сразу за Одером раскинулся плацдарм, долина,

разъятая и обезображенная взрывами снарядов. Сверху, с дамбы, откуда я смотрел, всё было как на ладони. Но едва я спустился вниз, в эту изрытую и громыхающую прибрежную пойму, как потерял всякую ориентировку и перестал что-нибудь понимать. Я сунулся влево, вправо, пока не увидел, что заблудился и что не так просто найти то, что сверху казалось таким простым, как на школьной карте.

Долго я в это утро, до того, как настал день и поднялось солнце, кружил по этим заполняющимся подпочвенной водой траншеям, и вдруг уткнулся в дверь блиндажа. Вместо двери висела тут плохо державшаяся, измазанная глиной палатка. Сидящий здесь командир полка, давно знакомый мне подполковник, чтобы не стукнуться головой о потолок, весь куда-то сполз вниз, но всё же плохо помещался в землянке.

Я пришёл не в самое лучшее время. Подполковник в этой своей более чем угнетённой позе, зажавши трубку в кулаке, кричал:

— Подожди, подожди, говорю! Скажи мне точно: сколько? — Он вдруг повысил голос, глаза у него побелели. — Сколько, я спрашиваю! Говори спокойно! Где? Справа, слева? Тридцать два?

Как будто всё дело было в этом — два или тридцать два!

На них там шли танки.

Но подполковник знал, что делал: чтобы отвечать, надо было, по-видимому, сначала овладеть собой. Шутка ли — тридцать два танка!

Прошло какое-то время, и тот же врывающийся в блиндаж голос из трубки доложил: не тридцать два, а четыре.

— Слава богу, — сказал на это командир, — в восемь раз меньше!

Взглянул на наши напряжённые лица и усмехнулся.

Мне как раз и надо было пройти в этот батальон,

которому за день до наступления пришлось вести разведку боем, вырваться вперёд и вклиниться в глубину немецкой обороны. В тот, с которым говорил сейчас подполковник.

«Тут недалеко», — сказал комсорг, которого я попросил показать мне дорогу.

Мы ползли с ним по краю залитого водой рва, старой, залитой водой канавы. В холодную, стылую внешнюю воду лезть нам не хотелось, и мы ползли, прячась за берегом этой канавы. Минуту спустя мы должны были оставить нашу канаву, поперёк неё легла круглая колючая проволока, так называемая спираль Бруно. Она была опущена в воду и из воды поднималась на высоту. Мы с сожалением вылезли наверх.

На высотке, в нескольких метрах от нас, — проход. Как видно, тут метнули гранату. Прогал довольно большой, широкий, если бы только не болтались во все стороны раскачивающиеся под ветром, разорванные концы проволоки. Опасное место!

Под проволокой уже лежал солдат в ватнике, убитый, должно быть, ещё утром. Его серая, затёртая землёй спина была видна ещё издали...

Как проскочить это место, не зацепиться и не угодить под пулемёт?.. Поглядывая на убитого, мы лежали в трёх метрах.

Комсорг меня предупредил, чтобы я не сразу поднимался, а немного подождал. Действительно, едва он метнулся к проволоке, раздалась резкая, распарывающая воздух очередь. Он был уже на той стороне проволоки и опять лежал на земле, я видел, что он проскочил удачно.

Когда встаёшь с земли — самый напряжённый момент. Мне пришлось долго лежать, пока не показалось, что можно вскочить.

Хуже всего солдату, подносику патронов. Мы его встретили тут же, в канаве. Он переставлял

ящички с цинками. Ящик тяжёлый, лёжа это делать невозможно, и он переставлял сидя... Мы подхватили у него патроны, приняли их с рук на руки и подождали, пока он переберётся сам. И ещё не перевалили и холмы, как оказались в траншее. На нас сразу зашикали:

— Тише! Тише!

Это нас удивило.

— Не разговаривайте громко — немцы рядом.

Я уже увидел Твердохлеба, комбата... Комбат улыбается. Ему, я вижу, странно, как это я попал к нему сюда. В один только этот день он взял две траншеи и деревню. Их всего осталось человек пятнадцать...

Наперебой показывают мне только что подбитый танк. Он сполз вниз, под уклон, но всё ещё дымит.

Моя записная книжка разбухает. Я стараюсь записать всех. Знаю, что даже те, что стоят вдали, у бруствера, прислушиваются сейчас к моему разговору с командиром. Даже вот этот гордый черноволосый офицер, лейтенант с орденом Славы. Какое у него одухотворённое, прекрасное лицо...

Мне надо уходить. Уже темнеет, и я тороплюсь.

Возвращаемся обратно прежним путём, опять пробираемся по топкому и скользкому берегу. Убитого уже убрали. Под проволочным заграждением теперь лицом вверх лежит сапёр и ножницами режет проволоку. Всё ещё потрескивает тот, невидимый с фланга, пулемёт, но пули идут вверх, и скользят, и вызванивают по проволоке.

Вот что было в тот день.

ВОКРУГ БЕРЛИНА

Ещё недавно стояла пыль и было, казалось, жарко. А когда за Одером дожди взялись идти, сразу стало холодно даже в шинели. Так и идёшь по этим дорогам, идёшь, обходя лужицы. Ни присесть и ни остановиться.

Дождь то перестаёт, то снова принимается идти. Небо низкое. Всё заволочло дымом. То ли тучами, то ли дымом... Полы шинелей наших подсунуты под ремень; видеть солдат с подобранными шинелями всегда очень странно. Колонна идёт то через поле, то просёлочной дорогой, выходит на автостраду. Но всюду вода и много грязи.

Эти семьдесят километров от Одера до Берлина преодолели мы довольно быстро, но потом долго кружили, попадали из одного городка в другой, из пригорода в пригород, из предместья в предместье. Как мы шли к Берлину? Сначала мы шли к нему напрямик, в лоб, а потом повернули и стали обходить.

Об этом не было сказано ни слова, но все почувствовали, что Берлин вот-вот начнётся. Я не знаю, как это бывает, по каким приметам, по каким признакам угадывается большой город?

Ни дымов, ни труб. Не только города не видно, но и вообще никаких строений: обычные, казалось бы, поля, размытые дождём дороги... Ни железной дороги, ни свистка паровоза, ничего. Ничего, что бы выдавало движение большого города. Однако же по каким признакам узнаешь, что он рядом?

И не по дорогам судили мы. Мы ведь шли полевыми дорогами. И только те дороги, что мы пересекали, были широкими — автострады с односторонним движением.

И вот что ещё указывало на то, что Берлин близко, — это гул столбов, гуд телеграфно-телефонных

линий. Провода у нас над головой гудели, и проводов становилось всё больше.

Мы могли и не смотреть, сколько их там. Они и без этого гудели и торопили нас...

И пока мы шли по полям, всё время он был слышен над головой, этот гул, и чем ближе к городу, тем сильнее.

В один из таких дней вдали, на самом выходе из леса, когда дождь то переставал, то снова принимался и колонна начала растягиваться, — на высоком поле, за стеной дождя, слева от дороги, внезапно вырисовались какие-то башни. Целый город увитых проволокой, уходящих в небо башен. Вершины их терялись где-то в тучах. Потом уж, когда они остались за нами, мы поняли, что это — радиобашни...

Видение этих башен долго ещё преследовало нас. Мы долго ещё не могли уйти от них...

Мы незаметно втянулись в Берлин. Так же незаметно, как днём раньше втянулись в селение, оказавшееся пригородом. А потом ещё и ещё в новые селения с зацветающими садами. Должно быть, цвели яблони, вишни уже отцветали.

Я помню одну дачку, маленькую, чистенькую, видимо, недавно покрашенную. Где-то в предместье. Окна её были распахнуты. Мне ещё запомнилось, какие белые на окнах были занавески. Потому что как раз из этих окон и стреляли. Я пересекал вскопанный огород, когда раздалась очередь.

Эти зацветающие сады — первое и, может быть, наиболее яркое впечатление, оставшееся у меня от тех дней. После другого — солдатской колонны, идущей по размытой и разбитой дороге, и самолётов, летящих над самой дорогой, над головой.

Но всего лучше помню я свой выход из редакции. Как из затопляемого цветением предместья

попал я в каменный, железобетонный Берлин. В редакцию к себе я вернулся в тот же день, принёс заметки о первых в Берлине уличных боях, и в вышедшем у нас утром номере появилась моя статья «Борьба за каждый дом».

НАКАНУНЕ

В тюрьму Моабит я пришёл двадцать восьмого, днём. Здесь, в Моабите, был наш КП, сначала НП, а потом КП.

Мы допечатали нашу газету. В вышедшем номере были мои стихи, те, что я писал ещё на Одере, и мой репортаж о боях за некий населённый пункт... Так назывался в моих заметках Берлин.

Перейдя трамвайную линию, я оказался у красной стены. Над нею была натянута проволока. Железные крюки и проволока в два-три ряда. Снаряды в этот час сюда не залетали. Я долго ходил среди красных одинаковых корпусов, таких же красных и коричневых, как и сама стена. Мы только позже узнали, что это тюрьма — Моабит.

В подвальчике сбилась несколько человек, и я нашёл здесь людей из политотдела нашей дивизии, этот бункер — нечто вроде передового пункта для них. Я сунулся в один бункер, в другой. Белые порожки — две-три ступеньки — уходят в землю. Дверь небольшая, тоже низенькая, и тоже такой низенький потолок.

В одном из таких подвалов я увидел, как в темноте этой жались, задевая коленками друг друга, пленные фрицы. Среди них было много молодых, вчера только призванных. Были совсем молодые лица.

Они о чём-то спорили.

У входа на камне сидел немецкий офицер с рас-

стёгнутым воротом. Что-то было в его лице такое, что меня заставило присмотреться.

На вид ему можно было дать лет тридцать. Он сидел здесь, перед входом берлинской тюрьмы, нагнув голову, широко расставив ноги, в типичной для сильно уставшего человека позе. Он был небрит. Мундир расстёгнут, лицо мягкое, жёлтое, носы неуклюжих сапог порыжели.

Мне показалось, что я его уже видел. В то июньское утро сорок первого года, в лесу, под Бродами, когда раздалась команда и когда по всем радиостанциям неслась немецкая музыка маршей. То был первый немец, которого я видел. Он к нам залетел на мотоцикле.

Нас тогда вывели из казарм в лес. Он въехал в наше расположение прямо на мотоцикле. Я сразу понял, что это немец. Я подходил к штабу и увидел его. Он стоял неподвижно, широко расставив ноги. Железный крест, на груди бронзовая медаль. Казалось, он был уверен, что мы ничего сделать с ним не посмеем. Казалось, он даже не особенно интересовался, куда он летел очертя голову.

Это был первый фашист, которого я увидел. Он был без фуражки, без пилотки. Выше кармана — орёл и знак свастики.

«Так вот они какие», — подумал я.

Этот, сидящий на пороге моабитской тюрьмы, чем-то мне напоминает того немца. Странно похожее лицо. Лысеющий немец... Только этот потрепанный, небритый и драный. И пожалуй, постаревший...

Я пробирался через район, уже знакомый мне, тот, что за тюрьмой Моабит. Вчера, когда я тут был, бой шёл ещё за угловой дом на другой стороне улицы. Мне был виден его верхний этаж. Сейчас тут рушится всё. Всё разваливается.

Я не заметил, как дошёл до моста. Оказалось, что всё тут рядом — и мост, и Шпрее, и наш ко-

мандный пункт в Моабите. Немного только спуститься вниз, свернуть, и вот она, река... Дорога, по которой я шёл, была мне уже знакома, но прогнувшийся мост я видел впервые. Не просто прогнувшийся, но уже опустившийся на воду.

Дальнейшая картина у меня в памяти такая.

Я вхожу в дом, в котором расположились подразделения нашей дивизии. Здесь подвал, окна которого наполовину в земле. Я подхожу к окну... Надвигается вечер. Островерхие тени домов ложатся на мостовые. Неумолчно хрипят телефоны. Трубку одного из них держит маленький, весь осыпанный извёсткой капитан.

Смеркается...

ДЕНЬ ТЫСЯЧА ЧЕТЫРЕСТА ДЕСЯТЫЙ

Утром тридцатого апреля комбат Неустроев поднялся на второй этаж здания министерства внутренних дел — дома Гимmlера. Он прихватил с собой Давыдова, комбата другого полка. Они смотрели в окно. Было тихо, стлался слабый туман. Площадь, показалось сначала, была пуста. Но, приглядевшись получше, комбат увидел, что вся она изрыта траншеями, он даже рассмотрел несколько бетонированных точек. За деревьями, в глубине парка, стояли самоходки. Близко от дома, в котором они сейчас находились, текла река, а может быть, канал. Похожее на трансформаторную будку сооружение, деревья, большие, уже готовые распуститься, и ещё несколько новых рядов траншей. За всем этим серое здание, небольшое, с высоким куполом и острым шпилем. Дома, стоявшие за этим зданием, были гораздо выше.

Комбат знал, что рейхстаг находится близко

от Шпрее. Но где Шпрее, где рейхстаг, нельзя было разобрать. Неустроев и Давыдов оба огорчённо разглядывали местность и это здание, за которым, близко уже, по-видимому, должен был быть рейхстаг. Неустроев думал о том, как лучше ему обойти этот дом, так неожиданно вставший на пути.

В это время Неустроева позвали. Сначала позвонил командир полка Зинченко, за ним командир дивизии Шатилов. Оба спрашивали об одном, почему он не наступает, почему не двигается дальше.

— Мешает серое здание! Буду обходить его справа, — отвечал Неустроев.

— Какое серое здание? Где оно находится? — спрашивали у Неустроева.

Спустя некоторое время пришёл сам Зинченко. Они долго сверяли, прикидывали, долго смотрели на карту.

— Слушай, Неустроев, так ведь это и есть рейхстаг! — сказал командир полка.

Да, по карте получалось, что вот это здание в конце площади, прямо перед окнами, — не что иное, как рейхстаг. Но нелегко было ему, Неустроеву, убедить в этом себя. Не веря сам, он попытался заронить сомнение у Зинченко. Он сказал ему, что то, что они принимают за рейхстаг, несколько на рейхстаг не похоже. Неустроев и сам не мог бы объяснить, почему он упорно не хотел верить в то, что они подошли к рейхстагу. Слишком уж всё было неожиданно.

«Что-то тут не так», — решил комбат, но спорить с начальством больше не стал, тем более что Зинченко считал дискуссию законченной и приказал Неустроеву готовить атаку.

— Спросим знающих людей, — проговорил Неустроев и тут же распорядился привести к нему

пленного. Он знал, что пленных не сумели да и не успели пока отправить в тыл, и они, сбившись в кучу, ожидали в глубине двора.

Пожилого немца подвели к окну.

— Вас ис дас? — спросил Неустроев, показывая из окна на дом, первый этаж которого отсюда, из подвала, был скрыт.

— Райхстаг, — ответил ему пленный, еле справляясь с растерянностью, которая мгновенно им овладела с той самой минуты, когда его неожиданно поманили к себе двое русских солдат и повели в подвал дома, в котором была позиция русских.

— Рейхстаг? — переспросил Неустроев.

— Райхстаг! — утвердительно кивнул немец.

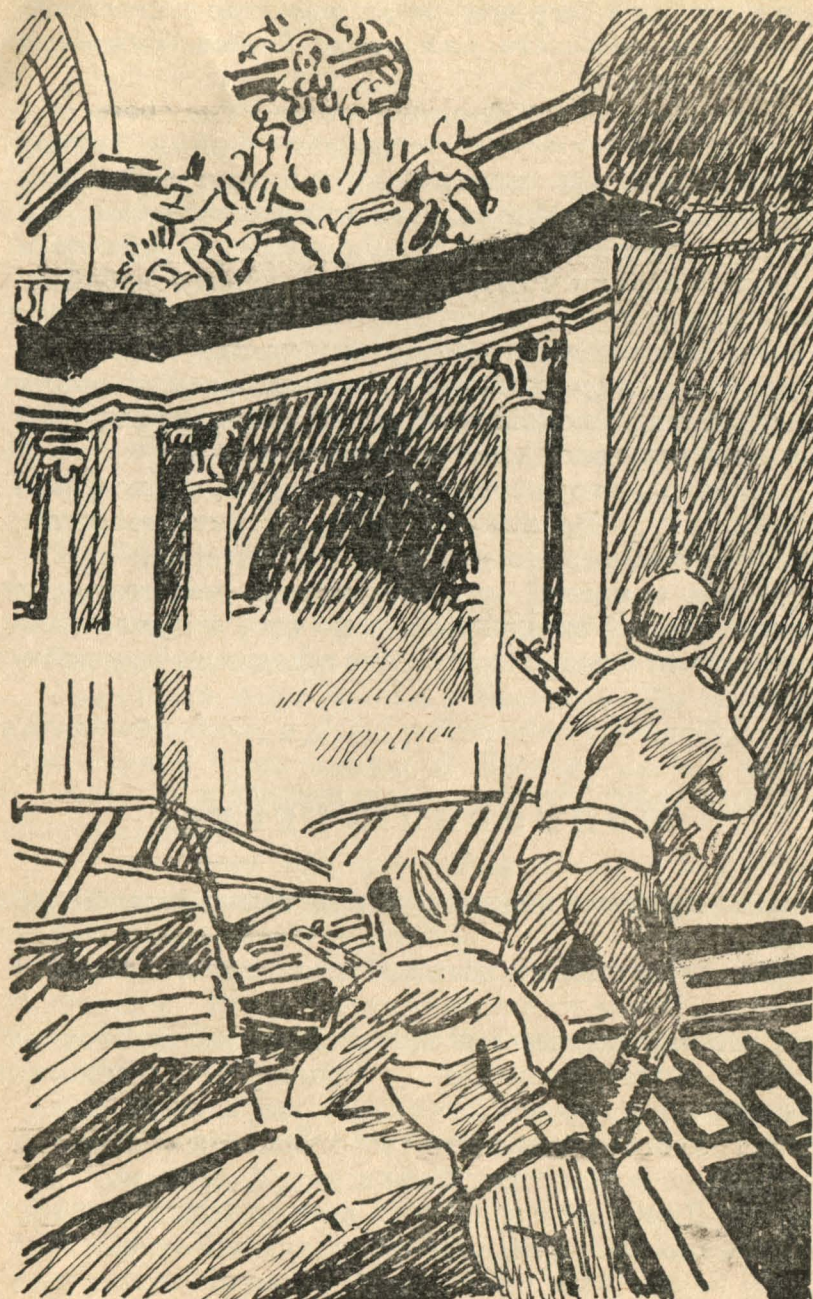
Тогда Неустроев приказал привести другого пленного, и тот, точно так же, как и первый, подтвердил, что здание, на которое ему показал русский капитан, действительно рейхстаг.

Подозвав одного из солдат, Пятницкого, немного знающего и понимающего по-немецки, он одно время был у него за ординарца, Неустроев спросил через него у пленного, что, может быть, рейхстаг не один?.. Но и этот пленный, оказавшийся к тому же ещё и берлинцем, ответил, что это рейхстаг и что другого рейхстага не существует...

Сомнений не было. Да, никаких сомнений больше не оставалось: перед ними действительно был рейхстаг.

Во второй половине дня тридцатого апреля 1945 года нашей дивизией, действующей в составе 3-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта, вместе с подразделениями соседней дивизии рейхстаг был взят. А вот что произошло дальше...

Немецкий гарнизон, оборонявшийся в рейхстаге, укрылся в подвалах здания и продолжал сопротивление. Началась длительная борьба. Во второй

половине дня первого мая рейхстаг загорелся. На крыше рейхстага уже реяло Знамя Победы, а рейхстаг горел.

Сгрудившись в тесном коридоре, куда огонь ещё не успел проникнуть, четыреста наших бойцов стояли, тесно прижавшись друг к другу. Дышать им было нечем. Многие лежали на полу, кое-кто натянул противогазы. Но уходить из рейхстага бойцы не хотели. Когда огонь утих, бои возобновились.

Это были нелёгкие минуты и часы — длинные, медленно отмеривающие время. И весы в руках стоящей над входом в один из залов мраморной скульптуры долго ещё раскачивались...

Да, четыре года войны наши бойцы, мы все, шли к рейхстагу, к Берлину, а они и поверить не могли, что уже дошли, что рейхстаг перед ними.

Наши солдаты, находящиеся в рейхстаге, не знали, что война кончается, но это, я думаю, хорошо знали немцы, загнанные в подвалы под рейхстагом.

«ПОЛКОВНИК» БЕРЕСТ

Из глубины подвала вдруг выкинули белый флаг.

На лестнице, на нижней площадке, появился офицер. Шинель распахнута, в руке — парабеллум. Он заявил, что немецкое командование готово начать переговоры. Но... с офицером в высоком ранге.

На лестницу к немцам отправился Берест...

Берест — замполит командира батальона. Лейтенант. Да и в этом звании он лишь несколько дней: приказ пришёл, когда мы вступали в Берлин. Ещё вчера Берест был младшим. Однако он давно, уже

несколько месяцев, работал заместителем у комбата Неустроева.

Алексею Бересту было двадцать, всего только двадцать лет. Совсем недавно он ходил в комсомольцах.

Он и отправился туда.

Как-то само собой пал на него выбор. Скорее всего, это Берест и сказал, что пойдёт он.

Солдат полил ему из фляги, и он смыл копоть с лица. Даже теперь, после этих двух тяжёлых ночей, он выглядел подчёркнуто аккуратным. Вчера, на площади, он лежал в одной воронке с бойцами своего батальона. Потом с двумя разведчиками — Кантарией и Егоровым — он устанавливал знамя... Теперь, вот уже сутки, вместе со всеми он был здесь, в рейхстаге.

Поверх гимнастёрки Берест надел чужую чью-то длинную кожаную куртку. Капитан Матвеев, политотделец, отдал ему свою новую, с малиновым околышем фуражку.

Неустроев тоже пошёл с Берестом. Но не стал ничего надевать, и даже телогрейку с себя сбросил, чтоб ордена были видны. У Береста наград было не густо, а у Неустроева — много... Так, решили они, солиднее!

Третьим они взяли с собой солдата — из недавно освобождённых на Одере военнопленных. Он знал немного по-немецки.

Здесь, внизу, их уже ждали. Было светло. Горели факелы. Сразу же их окружили немецкие солдаты. В руках оружие, на касках — маскировочные сетки.

К Бересту и его спутникам подошёл немец. Берест взгляделся: оберст! Полковник. С ним были двое моряков. Курсанты. И женщина в жёлтой куртке — переводчица.

Солдаты-немцы расступились, дав этим людям дорогу.

Этот немецкий полковник протянул было Бересту руку. Но Берест поднёс свою к фуражке и сказал: «Полковник Берест».

И так, в чёрной своей кожанке, он стоял, подняв голову, — заместитель командира батальона, комиссар! Видный, широкоплечий, уверенный в себе. Кто-то из немцев сказал: «Молодой, а уже полковник!»

На Неустроева они почти не смотрели. Он стоял незаметно, в сторонке. Только ордена у него блестящие. (Рядом с огромным Берестом низкорослый Неустроев выглядел маленьким.) Когда Берест к нему обращался, комбат старательно щёлкал каблуками...

— Я предлагаю вам сдаться! — сказал Берест немцам. — Вы находитесь в подвалах, в окружении. Положение ваше безвыходное...

Но ему ответили:

— Ещё неизвестно, кто у кого в плену... Вас здесь всего триста человек... Нас в десять раз больше.

— Сложите оружие, — сказал Берест. — Мы вас отсюда не выпустим... — И взглянул на часы, показывая, что на этом он желает закончить разговор.

Представитель немцев опять стал доказывать Бересту, что это он, Берест, у него в «клещах»... И неожиданно потребовал, чтобы им дали возможность уйти в район Бранденбургских ворот...

Берест с трудом себя сдерживал. Он был молод, ведь ему было всего только двадцать лет, и он забыл, что он — дипломат!

— Зачем мы пришли в Берлин, — бросил он твёрдо немцам, — чтоб вас, гадов, выпустить?.. Если вы не сдадитесь, мы вас переколотим!..

Немецкий оберст запротестовал:

— Господин полковник! Так не полагается разговаривать с парламентами!

Берест его не слушал...

Моряки молчали, жёлтая переводчица нервничала.

Полковник-немец неожиданно заговорил вдруг по-русски, и даже вполне сносно.

— Нам известно наше положение, — сказал он, — и мы хотим сдаться... Но ваши солдаты возбуждены... Вы должны их вывести и... выстроить. Иначе мы не выйдем!

— Нет! — ответил Берест ему. — Не для того я пришёл в Берлин из Москвы, чтобы выстраивать перед вами своих солдат... Даже если вас две тысячи, а нас двести человек...

Задерживаться дольше не имело смысла. Берест козырнул. Неустроев — тоже.

Солдат-переводчик и Неустроев, следом за Берестом поднимаясь по лестнице, слышали, как «полковник» Берест сердито бормотал про себя: «Гадюка! Гадюка!»

Немцы, оставшиеся в подвалах рейхстага, сдались той же ночью, к утру.

Переговоры о их сдаче вёл с ними уже старший сержант Сьянов.

ВСТРЕЧА

Немного утихло, и мы начали осваиваться в рейхстаге, разбираться в его бесконечных лестницах и переходах. В большом, уходящем под самый купол зале заседаний — светло. Купол пробит, и над ним ничего, кроме неба, нет... А внизу — нагромождение камня, кирпича и обвалившиеся балконы... Лазишь, как по холмам.

Потом, по тёмному коридору, заставленному «чучелами» закованных в латы рыцарей, перехожу в другую, не тронутую огнём часть здания. Она лучше сохранилась, но и здесь те же пробитые сте-

ны и пахнет гарью. Пожилой, с большими усами автоматчик развалился в кресле.

Пока лишь успел отоспаться: грязен и небрит. Один только автомат, приставленный к креслу, чист. Но как он сидит!.. Во рту у него толстая, надолго свёрнутая самокрутка.

Глядя, как он развалился в кресле, я не мог удержаться, не мог не спросить у него:

— Ну, как дела?..

— Всё в порядке. Сажу в рейхстаге...

Он посмотрел на меня и усмехнулся, понимая сам всю важность того факта, что он сидит в рейхстаге и как он выглядит в своей просоленной пиlotte и выгоревшем обмундировании в этом кресле.

— Сажу вот... — ответил он и опять по-своему, затаённо, усмехнулся.

Я вышел на площадь. Было тепло, было тёплое, солнечное утро.

Близко у входа стояли обломанные, искорёженные липки. Они оживали...

На рейхстаге — над куполом — развевалось знамя.

СОЛДАТ С ФЛАГОМ

Среди имён бойцов и офицеров — людей, бравших рейхстаг, забыто имя Пятницкого. Петра Пятницкого.

Между тем именно он первым выпрыгнул из окна дома Гимmlера, когда начался штурм, при первой атаке. Потом, у канала, когда роты надолго залегли, встал солдат с красным полотнищем — только здесь он его развернул — и увлёк за собою своих товарищей. Это был Пётр Пятницкий.

Вскоре из дома увидели: наши солдаты показа-

лись у подъезда, взбежали на ступени, и опять вспыхнуло знамя. А потом человек со знаменем упал.

Это был он, Пятницкий.

Знамя его поставили на рейхстаге рядом с другими знамёнами, а его... Разные бывают судьбы, у него — своя, особая судьба.

Когда под вечер, после артиллерийской подготовки, атака была возобновлена и бойцы его батальона подбежали к рейхстагу, Пятницкий лежал перед подъездом. И чтобы его не затоптали, его отнесли и положили у колонны. Так было... А потом о нём забыли. А когда хватились — его уже где-то похоронили. Скорее всего, в братской общей могиле.

Он уронил своё знамя перед самыми ступенями.

Пётр Пятницкий — рядовой. Впрочем, насколько помнит это теперь его командир, за два, за три дня до броска к рейхстагу ему присвоили младшего сержанта. А он был связным у комбата.

Мы тогда писали о нём в нашей дивизионке, но дальше дивизионки это не пошло. А после имя его стало реже называться.

Он погиб и ничего этого не знает... Но живёт на Брянщине его жена и его теперь уже взрослый сын. И как узнал я недавно, все эти годы они считают своего отца пропавшим без вести...

Он пришёл к нам в дивизию незадолго до наступления на Висле. Это Пятницкий, когда через наши тылы из крепости Шнайдемюль выходила окружённая группировка и немцы отчаянно двигались по дороге вслед за танками, с автоматами, прижатыми у бедра, он, ночью, поставил свой пулемёт на перекрёстке и расстроил их плотную колонну... Об этом и о том, как поднимал он бойцов, залегших перед каналом на площади, можно было бы рассказать подробно. Но я пишу, только как он бежал и как погиб, чтобы знали вы, кто был этот

солдат, упавший с флагом перед подъездом рейхстага...

Всё чаще мы, знавшие его, говорим о нём, и судьба его уже не даёт нам покоя.

Не будем забывать мёртвых. Они делят славу с живыми.

ВЫСОТА

Я долго тогда выпрашивал у них, как всё это было и что они испытывали... Но так и не смог занести в мою записную книжку ничего, кроме их имён да кратких биографий.

Разве вот это: что на площади у канала они были впереди пехоты на тридцать метров, а в рейхстаге, когда разыскивали ход наверх, с ними был замкомбата Берест. И ещё: что поставили во столько-то часов. Только это... Подробности, по-видимому, казались им вроде бы ненужными, неуместными и как бы несовместимыми с торжественным актом установления Знамени Победы.

Но может быть, я теперь расскажу всё это за них.

Они были в здании, где ещё сражались. И вверху, над ними, и внизу, на первом этаже, всё ещё шёл бой... Ориентироваться было трудно. Окна замурованы. Темень! И нельзя разобрать в темноте, куда какой ход ведёт и куда ставить. Никто им этого не сказал... Ведь надо не просто куда-нибудь, а повыше. Чтоб далеко было видно всем.

Но вот она, лестница. Как раз то, что им нужно! А рядом, с площадки, ещё одна. Эта выводит прямо на крышу. Как светло ещё здесь! Они думали, что давно уже глубокая ночь! Как хорошо, что крыша плоская... Куда же привязать? Над карнизом — бронзовое изваяние. Всадник. Нет, над всад-

ником нельзя. Получится, что это он держит знамя... Опять гремят по крыше осколки. Надо поторапливаться! А что, если туда, на купол... Как редки эти железные рёбра! И лестница перебита и оторвана, надо карабкаться по каркасу... И непрочные и уж очень ржавые переплёты. Но лучше не смотреть вниз. Там провал зала, висишь, как над ущельем. Только холодок у сердца... И — что это? — вроде цел, не ранен, а из-под ног уходит крыша... С купола — на площадку. Ещё лезть! Кружится голова (какие они верхолазы!). Вот и площадка. Да! Только не смотреть вниз... Привязали, притянули. Привязали ремнём, притянули чехлом. Всё молча. Только теперь они посмотрели на него. С каким грохотом оно развёртывалось там, вверху, над ними. Каким сразу оно стало сильным. Теперь им надо быстрее пробраться к своим.

А они и не знали, что ставят Знамя Победы.

МОЙ ГИД

1

Мы закончили войну на неделю раньше, чем солдаты других фронтов. Им ещё предстоял марш на Прагу, они шли ещё к Эльбе, а мы уже отвоевались...

Утром второго мая во всём Берлине не было слышно ни одного выстрела. Только камни всё ещё дымились, да остывшую золу и пепел поднимал весенний ветерок.

Это ощущение жизни без войны было так ново. Я решил весь этот день посвятить осмотру в Бер-

лине тех мест, о которых пока у меня не было ещё никакого представления. Мне хотелось ознакомиться с центральным, как я предполагал, районом, которого я совершенно не знал, как не знал его никто из нас, поскольку был он по другую сторону рейхстага.

Я вышел из главного выхода и через две-три минуты стоял уже у Бранденбургских ворот. Они почти примкнули к рейхстагу.

Здесь, под аркой, её колоннадой, было сумрачно и прохладно. Проемы — широченнейшие проезды между колоннами — были заложены кирпичом. Только боковые узкие проходы оставались незабаррикадованными. Поверху, через весь фронто́н, какая-то наполовину обитая или обвалившаяся неразборчивая надпись... Ворота велики, громоздки. Они мне показались кособокими. Возможно, так и было — от прямых попаданий.

Я уже намеревался идти дальше, но неожиданно начался дождь. Начался сразу, ни с того ни с сего, как это бывает только в такой весенний, солнечный день. Майский дождь! Крупный, частый, прямой, благоухающий ливень.

Лучшего места спрятаться от дождя, чем под этой аркой, не могло быть, ни одна капля не залетала сюда, под тяжёлые своды.

Я стоял и смотрел на обливаемый потоками дождя город, на мрачные остовы выгоревших и почерневших разрушенных домов — скоро они совсем скрылись за сеткой дождя, — на парящиеся взорванные мостовые и не сразу заметил прислонившегося к колонне солдата. Он стоял здесь, как видно, ещё до того, как я сюда пришёл. С карабином у плеча, уса́тый, пожилой человек... В прорыжелой, измятой ушанке. Хотя ушанки вроде бы уже сняли, Берлин брали уже в пилотках.

Я заговорил с ним и тут же по привычке,

свойственной, должно быть, лишь очень молодым газетчикам, записал у себя в блокноте: «Рядовой Андрюшин Кирилл Егорович». Боец не удивился нисколько, что я записываю. Он отнёсся к этому как к обычному делу или постарался показать мне, что это так.

После первых фраз того обычного короткого разговора, когда узнаётся, кто из какой части и откуда родом, я поделился, помню, наблюдением, что эти самые Бранденбургские ворота, под которыми мы укрываемся, сделаны не более и не менее как на ширину всей улицы. Солдат со мной согласился и сказал мне, что в Берлине ему уже приходилось бывать. Я, помнится, удивился, потом решил, что, наверное, он из тех наших солдат, которые были в плену. Но нет, оказывается — нет. Но тогда, может, ещё в империалистическую? Солдат отрицательно мотает головой. Я ничего не понимаю: он был здесь в 1912 году. Был с экскурсией. Приезжал вместе с воспитанниками Императорского лицея в Петербурге. Нет, сам он не был воспитанником. И лекций он в лицее тоже не читал. Служил привратником... Помнит, проезжали под этими воротами.

Пока мы стояли с ним так и под захлёбывающийся говор дождя вели свой разговор, мы не заметили, что в том же пролёте арки, за спиной у нас, собрались другие солдаты, так же, как и мы, прячущиеся от дождя. Они где-то задержались и успели промокнуть. Все были без оружия, в обмотках и в выгоревших, выцветших пилотках. Но все с веточками сирени в руках. Свежей, только что наломанной...

В том году в Берлине было много сирени. Она заполнила собой все дворы, все скверы, лезла из-под развалин. Из-под наваленных и навороченных на неё плит. Она была сочная, плотная. И запах, который шёл от неё, был столь сильным, что

он заглушил все прочие запахи. Запахи гари и разложения...

Удивительная была весна и удивительная была сирень!..

И мы, грубые солдаты, мужчины, обстрелянные люди, — казалось, что мы в этом понимали! — ходили взволнованные по городу, и в руках у нас была сирень. И пахла она тем сильнее, памятнее, что ещё не выветрились на улицах запахи пороха и дыма...

И мы все были пьяны... От весны, от сирени.

Дождь тем временем перестал... Солдаты с веточками сирени в руках ушли, как только увидели, что он стихает.

Вода, хлеставшая потоком, быстро сошла. Опять выглянуло солнце.

2

Кирилл Егорович ведёт меня по широкой, прямой улице. Это вот и есть Унтер-ден-Линден.

Я впервые здесь, за Бранденбургскими воротами. Здесь держались до последнего последние из гитлеровцев, отсюда — из-за Бранденбургских ворот — отстреливались они, когда уже взят был рейхстаг.

Конечно, мне повезло, что я встретил здесь этого солдата. Он охотно, даже покровительственно рассказывает мне обо всём. Признаться, без него мне было бы трудно. Ведь теперь, после боёв, чужой, разрушенный, мирный Берлин стал как бы ещё непонятней. Не сразу разберёшь, где тут что надо искать... В бою даже яснее. Есть участок полка или батальона — вот и пробирайся от одного известного тебе пункта до другого. Район Вайсензее и Моабита, в котором мы действовали, был уже в какой-

то мере нами изучен. Настолько хотя бы, что мы могли в нём ориентироваться. Но теперь бои закончились. Сдались самые последние, в одиночку сопротивлявшиеся автоматчики. Можно идти, куда хочешь, свободно. И тут-то мы почувствовали, какое непростое это дело, ходить по громадному, везде одинаково разрушенному городу. Блуждать по нему, когда у тебя нет ни плана, ни карты, когда не знаешь ни основных магистралей, ни принципов планировки... Одним словом — я именно это хочу сказать, — под пулями и снарядами ориентироваться было легче, чем теперь, когда стало тихо.

Вот почему я так уверенно шёл с Кириллом Егоровичем, так обрадовался встрече с ним: он здесь бывал, он знает...

Высоко в небе над карнизами разрушенных и сожжённых зданий — скульптуры. Прямо над чёрными стенами. Целые, нетронутые... Бронза от времени покрылась окисью, и статуи стали зелёными. Совсем как стеклянные, только что не просвечивают.

Тем более странно видеть их на этой улице.

Я послушно иду за моим спутником и провожаемым. Иду и не перестаю удивляться, что мне попался столь необычный солдат. Небось он тут один такой, на весь Берлин один.

Старик что-то мне показывает. Он уже вошёл в свою роль экскурсовода.

Кварталы кирпича, щебня, камня.

Он оживился, когда увидел богатое, пышно украшенное здание в сплошных горельефах, в орнаменте. Кирилл Егорович помнит его ещё с тех лет. Через решётки на окнах мы заглядываем внутрь первого этажа, вернее, полуподвала. Сколько оружия! И пушки, и мортиры, и мушкетеры. Всех, наверно, времён и веков. Здесь — арсенал. Что-то вроде музея истории войн.

И опять — зияющие окна, оббитые углы и бронза, покрытая окисью. Опять пустыри и руины, руины и пустыри.

Раньше всё это выглядело по-другому.

Как это всё выглядело раньше, я уже знал. (И когда Кирилл Егорович рассказывал, я хорошо представлял себе ту, прежнюю Унтер-ден-Линден.) Они проходили по всей этой широченной улице, вымуштрованные солдаты гитлеровской армии. Резало глаза от сверкания штыков и касок... Солдаты, которые лежат на полях Подмосковья. Солдаты, вылезшие из подвалов рейхстага... Кирилл Егорович рассказывает своё, но тоже о марширующих колоннах. На флангах офицеры в островерхих вильгельмовских касках, грозно распушившие усы, а впереди барабанщики... Вдоль всей улицы белыми раструбами — факелы, и орлы на длинных шестах. Орлы и факелы. На рукавах, на дверях магазина, на столбе с чадающим факелом, на всём — свастика, свастика.

По этой же улице только вчера мы выводили их длинные, неровные, растрёпанные колонны.

Мы переходим небольшую, грязную Шпрее — пожалуй, она одна здесь не разбита и не изуродована — и попадаем на Лютсгартен. Но сначала Андришин ведёт меня к Королевскому дворцу, и тут мы наталкиваемся на какое-то сооружение. Что-то странное. Похоже на танк, но мы таких что-то не встречали. Нечто подобное я видел только на рисунке. Была, по-видимому, такая картина, я видел в детстве её, в календаре: высокий врангелевский танк, подминающий частокоток заграждений, и крас-

ноармейские цепи, поднимающиеся ему навстречу из траншей. Кирилл Егорович её не помнит, а я помню...

Немец, подошедший к нам, говорит, что это английский танк. Мы, конечно, не верим. Английские танки мы знаем! Они небольшие, невысокие. Они были у нас... Но нам объясняют, что это английский танк времён первой мировой войны... А, вот что! Те самые!

Но Кирилл Егорович спешит и не склонен задерживаться. Он больше всего оживляется, когда видит что-нибудь уцелевшее...

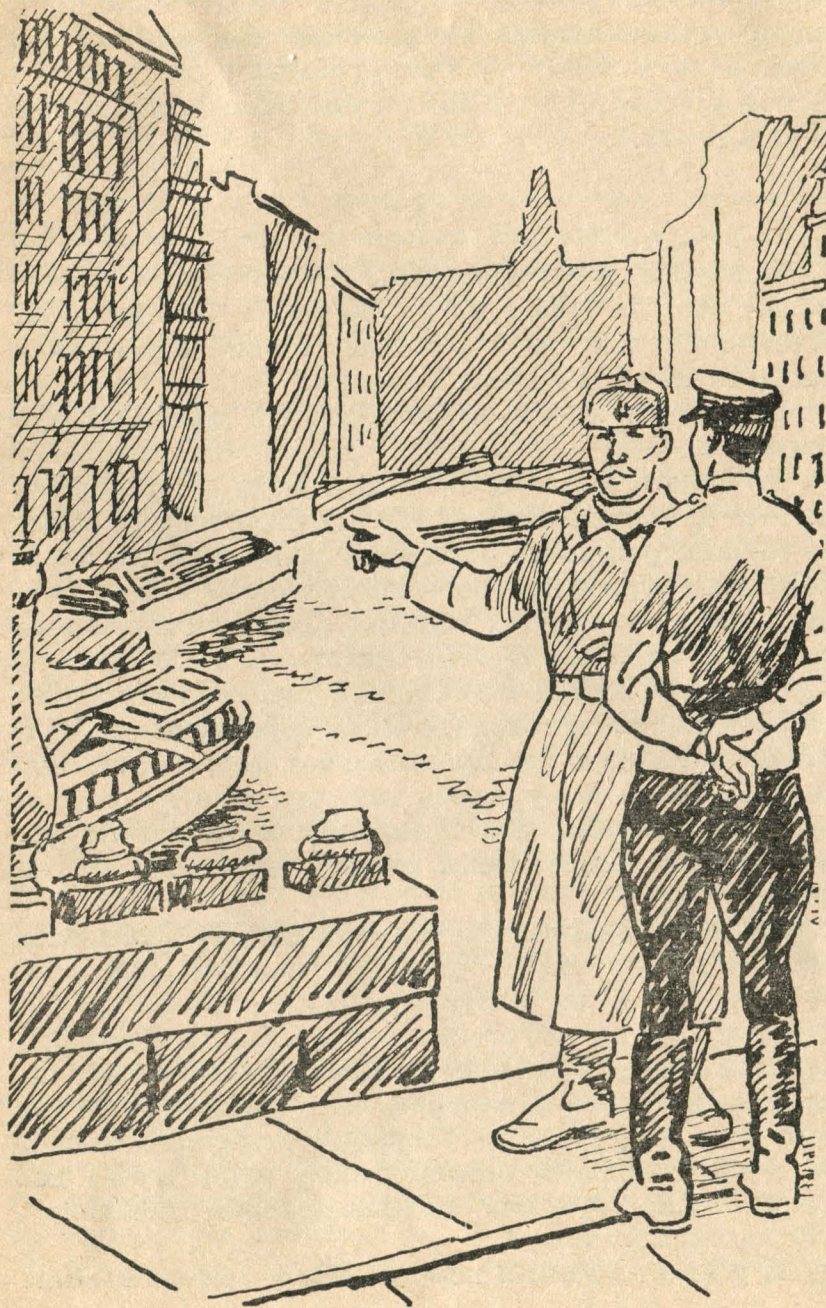
На исполински огромном битюге сидит огромный мужчина в каске. Это — Фридрих Вильгельм. Кайзер! Мы с Кириллом Егоровичем решили, что это самый большой из всех виденных нами, когда-либо существовавших на земле памятников. С пристройками он занимает целый квартал.

У его подножия, положив головы на обмытые и уже прогретые солнцем ступени, спят наши бойцы. Один, услышав наши громозвучные на набережной шаги, приподнялся и, широко раскрытыми, непонимающими глазами поглядев на нас, перекатился туда, где ещё была тень. На нём грязные обмотки, он в ватнике, щёки обросли густой серой щетиной. Сначала надо отоспаться.

На самых нижних ступенях пьедестала — женская фигура. Это — Германия. Мы с Кириллом Егоровичем подошли к ней. Её специально сделали такой, чтобы вы до колен её не доставали.

Чтобы вы себя чувствовали маленькими.

И Кирилл Егорович, старый швейцар, бывший служитель Императорского лицея, открывая мне двери Берлина, ведёт меня дальше, мимо бронзовой статуи — со шпагой, но без головы, — к другим памятникам. Мы и впрямь чувствуем себя подавленными их размерами. Меня ещё вчера в Тиргартене, среди поваленных деревьев, сожжённых

крупновских танков, поразила своей величиной одна, установленная на высокой колонне статуя. Улыбаясь в жёлтые, прокуренные усы, Кирилл Егорович говорит, что бойцы уже прозвали её бабой с крыльями...

3

Сейчас я даже объяснить не могу, как случилось, что я забыл об имперской канцелярии. Казалось, мы все должны были стремиться увидеть штаб-квартиру Гитлера.

Вероятно, я считал, что это не для всех доступно...

А может, дело было проще. Ведь я полностью на этот день доверился Кириллу Егоровичу, с самого начала решив не отставать от него. А ни о какой канцелярии, построенной Гитлером вскоре после прихода к власти, Кирилл Егорович ничего не знал и не слышал. Нужно сказать ещё, что Кирилл Егорович, который сначала так уверенно исполнял свою роль экскурсовода, очень скоро примолк. И я понимаю! Много лет прошло с тех пор, как он был здесь... Скоро получилось так, что уже не он, а я шёл впереди. Вёл его туда, куда хотел. Конечно, и я шёл вслепую, меня влекло одно только любопытство.

Всё-таки старик кое-что мне показал. Мы обошли с ним половину города и теперь возвращались обратно по той же Унтер-ден-Линден, но по другой стороне. Бранденбургские ворота были недалеко, когда я заметил уходящую влево неширокую улицу. Мне хотелось посмотреть ещё что-нибудь. Я повернул в неё, Кирилл Егорович послушно пошёл за мной. Обогнув осыпавшийся угол дома, мы прочли на случайно сохранившейся табличке: «Вильгельмштрассе».

Я долго напрягал память, пока понял, в связи

с чем я много раз слышал это название. Мы шли вдоль высокой, глухой, розовой стены. После Унтер-ден-Линден эта улица казалась нам небольшой. Кирилл Егорович молча шёл за мной, не понимая, почему мы пошли сюда, а не к рейхстагу.

Я уже увидел узкий дверной проём. Зрение у меня было лучше, и высоко над входом мне уже виден был клювастый алюминиевый орёл с расправленными крыльями. Его зацепило снарядам, и он был полуоторван. В цепких своих лапах орёл этот держал земной шар, оплетённый свастикой... Я потом увидел ещё раз эту птицу, но уже не на фронте берлинской имперской канцелярии, а в нашем советском военном музее, в Москве. В том же Музее Советской Армии, куда было привезено Знамя Победы, знамя, которое дивизия наша ставила на рейхстаге. Его внесли в музей и установили в самом большом зале. И чтобы сохранить навечно, укрыли стеклом, в пирамиде... А этот сбитый с рейхсканцелярии, привезённый в Москву исковерканный имперский орёл брошен к подножию пирамиды.

Ступеней никаких не было. Ход прямо с тротуара. Несмело шагнули мы с тротуара в проём. Мы думали, конечно, что нас не пропустят и придётся сразу же повернуть обратно. Но нас никто и не задерживал. Здесь никого не было... Никто уже не интересовался местом, где находился Гитлер, его убежищем.

Перед нами замкнутый прямоугольный, забетонированный двор. Под ногами бетон, да и стены тоже бетонные. Так мне это запомнилось. Солнце стояло высоко, и здесь было жарко. Всё здесь было геометрично прямое, квадратное, как бы наполовину ушедшее в землю.

Поняв, что нас никто не удерживает, мы решили

с Кириллом Егоровичем, что должны идти дальше. В другом конце двора мы увидели обгоревший броневик. Мы на минуту остановились, подивившись тому, почему сожжённая и разбитая машина стоит внутри двора и как вообще сюда попал броневик.

Потом долго шагали по длинному, малоосвещённому коридору. Куда-то поворачивали и опять шли по коридору, но уже по другому. Хотя я не помню, был ли там кто-нибудь, но, вероятно, кто-то нам всё-таки показывал, как идти, иначе мы бы ничего не нашли.

Когда мы зашли в кабинет, мы в первое мгновение ничего не могли разглядеть. Над головой была дыра, было небо и солнце. От света, который бил в пролом в потолке, всё казалось как бы во тьме.

Пол был завален поломанной мебелью и бумагами, обвалившейся штукатуркой и перекрытиями потолка. Окна тут были с двух сторон: одно окно рядом с письменным столом — большое, почти во всю стену. Но теперь, когда потолок был проломлен, эти окна как бы уже не светили. Кабинет Гитлера, следовало бы говорить — бывший кабинет, был гигантским, но на кабинет этот большой помпезный зал уже не был похож. Одни шкафы у стены остались неопрокинутыми, и в них были какие-то книги. Кирилл Егорович подал мне одну, другую. Они оказались все с надписями. От авторов... Целая библиотека автографов.

Чтобы подойти к окну, мы обошли поваленное кресло, и тут я наступил на ещё одну — затоптанную и лежащую в мусоре книгу. Это была книга самого Гитлера. Мы её впервые увидели. Но оказалось, что та же самая книга была на полках, что шли вдоль стены. Его книжка была тут во многих изданиях, все в одинаково чёрных переплётах.

Нас очень удивили люстры. Их было две. Нигде потом я никогда таких не видел. Эти люстры — по одним по ним можно судить о размерах помеще-

ния — не нависали над головой. Они стояли... Одна была до самого потолка, другая лишь немного не доставала. Обе крепились на полу...

А гигантский тот глобус, которым Гитлер столь усердно вертел здесь, лежал на полу, в углу, и мы не сразу его разглядели под рухнувшей на него штукатуркой.

4

Мы сидели с Кириллом Егоровичем в разбитом тяжёлыми снарядами кабинете Гитлера у высаженного разрывами окна и вспоминали, как Гитлер приходил к власти.

Здесь, в этом по-современному построенном дворце, где мы сидели и отдыхали сейчас, Гитлер и распоряжался и жил, а там, в рейхстаге, произносил свои речи. Напрямую тут было близко, хотя напрямую хода не было... Даже высокие деревья парка Тиргартен мы видели. И конечно, видели Колонну победы — её отовсюду видно. Кирилл Егорович спрашивал меня об этом памятнике, но, к сожалению, я мало что мог ему сказать. Я знал только, что колонна эта считается памятником 1870 года, что она установлена в честь победы над Францией. Больше ничего я не мог прибавить к этой справке, хотя старый солдат интересовался всеми фактами истории.

Я не мог тогда рассказать Кириллу Егоровичу одного эпизода. Я сам узнал об этом уже позднее от моего товарища, который после войны ещё оставался в Германии.

Немка-переводчица, окончившая русскую гимназию в Риге и работавшая в тридцатых годах на Магнитке, рассказывала этому моему товарищу, как Гитлер возвращался из захваченного Парижа. Он только что продиктовал в компъенском вагончике свои условия. Ехал он через всю Германию

в открытой машине, стоя. В жёсткой военной фуражке. Ехал под фейерверк и рёв эсэсовских молодчиков и бюргеров, сошедшихся к дороге. И угодившей в него ракетой ему обожгло лицо.

Возвратясь из Парижа, Гитлер задумал увеличить монумент в Тиргартене; он уже заказал необходимый для этого камень, который везли из Швеции. Мой друг понял так, что предполагалось расширить пьедестал и поднять статую, высечь новые барельефы, изображающие победы гитлеровского оружия. Но скорей всего, Гитлер, намереваясь поставить памятник своей победе над Францией, хотел «повторить» старый памятник, сделать так, чтобы нынешняя колонна рядом с новой казалась бы маленькой. Так он задумал, когда с обожжённой физиономией ехал по дороге Париж — Берлин.

Заказанные для памятника плиты, по словам этой переводчицы, были привезены и сложены в Тиргартене. В немецких газетах было даже об этом сообщение. Эти плитыгодились, как я думаю, когда в Берлине сооружался памятник советскому солдату. Под ногами этого нашего солдата, поставленного теперь в Трептов-парке, — плоские, из твёрдой горной породы ступени-плиты.

Другой вход, к которому мы подошли, выводил в сквер, вернее, в небольшой парк, прилегающий к имперской канцелярии. Деревья в сквере, как всюду в Берлине, иссечены осколками. В воронках и ямах какие-то рваные и скомканные, вымокшие бумажки.

Тут, в парке, мы увидели двух человек в штатском, по виду журналистов. На груди у них болтались фотоаппараты... Они что-то искали между деревьями.

Я знаю, так вот и англичане, через два меся-

ца, — я увидел это сам, — кружа вокруг имперской канцелярии, ковыряли тросточками землю, разыскивая Гитлера... Тогда ещё не были опубликованы сведения о его смерти. Но мы, те, кто своими глазами видел обгорелые трупы многих других высокопоставленных чинов, сподвижников Гитлера, были убеждены, что и он не ушёл.

Я только много позже понял, что одним из первых побывал в кабинете Гитлера, одним из первых переступил порог имперской канцелярии. А тогда это не приходило мне в голову.

5

Возвращались мы прежним путём, через этот кабинет и всё тем же полутёмным коридором. Уже в дверях кабинета Кирилл Егорович меня окликнул, и я взглянул на стену, на которую он мне показывал. И не поверил глазам своим! Стены были золочёные. Отставшая позолота слезала слоями.

У нас в Сибири в домах состоятельных мужиков так вот покрывали полукруглые, обитые железом печки... Печь красят сначала чёрной краской, а потом «дуют» на неё золотым порошком. Так она в этих золотых яблоках и стоит посреди избы...

Мы опять вышли в подъезд, в тот же внутренний двор. Кто-то показал нам подземный ход в самом углу двора. Спуск в бункер... Так, окружённый, загнанный, как в мышеловку, Гитлер ни разу и не вылез из своего убежища, пока мы штурмовали Берлин. И только чтобы сжечь его, его вытянули наверх. Когда он отравился, его вытянули наверх. Да, здесь вот он и лежал... Как скорпион, укусивший себя.

И удивительнее всего, и страшнее, и смешнее всего, что сами себя. Сначала сожгли полчелове-

чества, а потом — сами себя. И сжигать было уже и нечем и негде.

Пришлось заворачивать в кусок ковра...

Так же, как и Гитлер, покончил с собой и Геббельс. Только на сутки позднее. Так же, как фюрер, он завещал сжечь себя. Но мы врывались уже сюда. Поэтому люди, составляющие свиту Геббельса, торопились в этот раз ещё больше и думали уже только о том, чтобы самим спастись. Потому-то труп Геббельса и был сразу найден.

Надо бы спуститься вниз, в этот бункер, где столько времени отсиживался Гитлер, но Кириллу Егоровичу пора было возвращаться. Больше всего на свете он боялся своего старшины. Мне же не хотелось отставать от Кирилла Егоровича...

Перед тем как уйти, мы узнали всё-таки кое-что об этом броневике, который заинтересовал нас, когда мы входили сюда. Он, этот теперь разбитый и обгоревший броневик, был личный, Гитлера. Он так и стоял здесь всегда, на всякий случай поближе к подъезду.

Миновав тёмный проём, мы опять попали на Вильгельмштрассе. Чуть в стороне, но почти у самого входа в имперскую канцелярию стояла большая очередь... Немцы делили убитую лошадь.

Мы вышли на Унтер-ден-Линден, и бывший привратник Императорского лицея опять оживился, понемногу возвращаясь к сегодняшней своей роли. Он снова вёл меня по Берлину и таким же тоном, как и раньше, давал объяснения. Казалось, был не в Берлине, а в лицее и, раскрывая передо мной двери, говорил: «А вот здесь кабинет ректора, а направо — актовый зал».

Спасибо тебе, старина дорогой, ты много показал мне в этот день...

Солнце уже садилось, уходило за молчаливые,

мёртвые дома. Мы подошли к рейхстагу. У его главного входа стоял наш часовой. Он о чём-то громко разговаривал с двумя гражданскими немцами. Как я понял, те просили пропустить в рейхстаг, где они ни разу не бывали...

Здесь, у дверей рейхстага, я и расстался с ним, моим гидом — советским солдатом Кириллом Андриюшиным.

И НАСТАЛ МИР

Нам всё хотелось представить, как это: война, война, и вдруг нет войны!

Я слышал один раз, разговор об этом зашёл в землянке, бойцы стали расспрашивать об этом своего старшину, который ещё на финской воевал.

— А вот, — стал рассказывать старшина, — когда мы Выборг брали... Я задание одно выполнял. Шёл с донесением в штаб полка. Иду через лес, а навстречу мне боец.

«Куда ты?» — спросил он меня.

Я остановился.

«Война окончена! Мир!» — сказал он.

«Врёшь, — не поверил я и рассердился, закричал: — Чего ты треплешься! Не слышишь, какая стрельба идёт!»

А он мне отвечает:

«Это — до двенадцати дня, а после двенадцати — прекратить!»

Но, — продолжал рассказывать старшина наш, — в одиннадцатый сорок пять меня контузило. Пришёл в себя. Тихо! Лежу на снегу, один лежу, никого вокруг нет. И тут я понял — конец войне...

Не раз я потом возвращался к этому разговору.

«Эта война кончится как-то по-другому», — го-

ворил я себе. Но и сам представлял уже, как и я тоже иду — через поле, через лес. Иду, как всегда, один, по своим обычным газетным делам, иду в полк. Иду, а навстречу мне, размахивая руками и чему-то улыбаясь, бежит боец. Я прохожу мимо него, и мне невдомёк, что парень этот знает то, чего не знаю я...

Что случится э т о вдруг и случится неожиданно для всех нас, разумелось как бы само собой. И конечно же — очень скоро... Если бы кто сказал нам тогда, что война продлится четыре года, мы бы никогда этому не поверили. Но прошёл и год, и два, и три...

Мы не могли тогда знать, что война кончится обычнее обычного. Но так именно и случилось. Она кончилась тогда уж, когда они сдались. Они сдались, когда были взяты за горло. Они сдались уже, когда мы поднялись на развалины их «парламента».

Всё было не так, как нам представлялось...

Мы уже вытеснили врага из пределов Родины, а война всё ещё шла. Она шла и четвёртый год. И тогда, когда мы взяли Берлин...

Войны кончаются по-разному — эта война кончилась так.

Я спал. Ведь хотя мы и были в Берлине, но неделю уже не воевали... Пришёл наш Митя, шофёр, и разбудил меня:

— Товарищ старший лейтенант, вставайте! Война кончилась.

И всё же и для меня она кончилась неожиданно.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ

Ни выстрелов, ни взрывов. Непривычно и хорошо. Непривычно и хорошо настолько, что думаешь, неужели так хорошо будет всегда?

За городом нас почему-то удивляют стволы деревьев, и мы ладонями касаемся их шершавой коры. Всей грудью вдыхаем воздух, промытый, как после грозы.

До чего же хорошо здесь и как густо пахнет мятой!

Но ведь об этом, я думаю, и было когда-то сказано Тихоновым:

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придёт,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз за четвёртый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

И вот — мир...

К дорогим для нашего государства праздничным датам добавилось ещё одно красное число — 9 Мая.

НАШИ ДЕТИ

В центре Берлина, рядом с рейхстагом, стоят Бранденбургские ворота. Над ними вздыблена четвёрка коней.

Я писал тогда:

У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

Но и перебитых не было. Не было вообще никаких ног. И коней не было. Был бесформенный ком металла. Расшатанная колесница свалилась. Ехать было некуда. А сами ворота разбиты и погнулись.

И видно, ходко катит время, если моя дочка, девочка военного сорок четвёртого года рождения, теперь, когда я пишу это, стала совсем большая.

Но она росла у меня на глазах, и это не так заметно.

Но вчера я слышал, как она читала из учебника по немецкому. И что же я узнаю! Наш мальчик Виктор едет в ГДР, в Берлин, в гости к такому же, как он, мальчику Отто. И этот немецкий мальчик показывает своему другу город. С Александерплаца они до центра едут в метро. (Тогда, в те дни, мы ходили пешком и считали, что это близко.) И Отто ведёт своего гостя по широкой Унтер-ден-Линден. Потом друзья направились к Бранденбургертор. Это эмблема немецкой столицы. Так было сказано...

«А ну где, где ты читала, покажи?» — сказал я и отобрал у неё книжку.

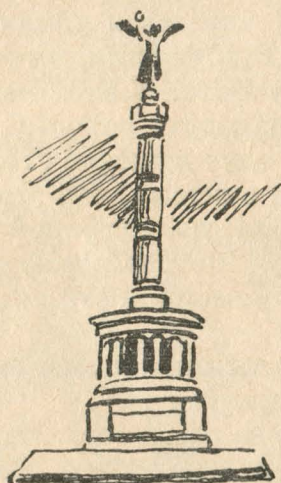
Но искать мне не пришлось. На той же странице были Бранденбургские ворота. Белые, отремонтированные. Шесть колонн и пять пролётов. И кони! Те же кони на них! Их несущаяся вперёд квадрига...

Я читаю дальше. И узнаю удивительные вещи! Где были пустыри и руины, там возникают дома... И кони снова скачут над Бранденбургскими воротами.

И вот немецкие дети и наши встречаются. Не так, как мы встречались! И Отто, этот Отто в пионерском галстуке, водит всюду нашего Виктора, показывая ему свой город... Они идут вместе по Унтер-ден-Линден.

Наверно, это очень хорошо.

В Берлине, в двух шагах от рейхстага, стоят старые Бранденбургские ворота. На них — бешено скачущие кони. Теперь это просто отлитая из бронзы четвёрка коней...

СОДЕРЖАНИЕ

Прорыв	3
Вокруг Берлина	9
Накануне	12
День тысяча четыреста десятый	14
«Полковник» Берест	18
Встреча	21
Солдат с флагом	22
Высота	24
Мой гид	25
И настал мир	41
На другой день	44
Наши дети	—

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Субботин В. Е.

С89 И настал мир: Рассказы/Рис. В. Ладыгина.—
М.: Дет. лит., 1981.— 47 с., ил.— (Книга за кни-
гой).

10 к.

Рассказы о последних днях Великой Отечественной войны из известной
книги «Как кончаются войны», подготовленные автором для детского читателя.

70802—356
С М101(03)81 230—81

P2